

Истории для взрослых от Олеси Бузины

Самая карманная игра ■ В Европе игра в карты появилась в XIV веке, а на Руси — в XVI. Карты победили даже иконы

РАССЛЕДОВАНИЕ В КАРТОЧНОМ ДОМИКЕ

А не перекинуться ли нам в картишки? Какой привычный вопрос! Каждый из нас хотя бы раз в жизни произносил эту сакральную фразу. Но кто первый высказал это соблазнительное приглашение в наших краях? Ведь для того, чтобы сказать: «А не перекинуться ли нам в картишки?», нужно иметь не только подходящую компанию, но еще и эту самую колоду карт!

Вроде бы, чего уж проще? В любом газетном киоске ныне продаются, как минимум, три колоды на выбор. Но чтобы напечатать колоду, нужно иметь подходящую бумагу, художника, который бы нарисовал эскизы, и качественную цветную печать.

Одним словом развитую полиграфическую промышленность. Карты — не книги. Их не станешь печатать на первой попавшейся бумаге. Нужна бумага плотная и гладкая — «атласная». Чтобы легко скользила. Чтобы карты удобно было тасовать. Да и фигуры на карточных рисунках должны радовать глаз. Ведь расставаясь с деньгами в азартной игре, человеку приятно лицезреть не грубо нарисованные карикатурные рожи, а высокохудожественные картины — бравады вальсов, грозных королей и пышногрудых сексапильных дам.

На ранних западноевропейских картах фигуры изображались не зеркально, а в полный рост

К сожалению, игральные карты — не украинское и не русское изобретение. До XVI века на Руси рисовать умели только иконы. С печатью всего и вся были проблемы. Книжки переплетались от руки. Первопечатника Ивана Федорова мафия переписчиков изгнала из Москвы. Выступив за великого изобретателя у царя Ивана Грозного не было времени. Приходилось все время воевать с врагами внешними и внутренними и крепить опричнину. Поэтому царь умер не за карточным столом, а за шахматной доской. Любимый грессмейстер мог бы позавидовать такой смерти. Тем более, что настала она царя-кровопийцу после бани, когда он, чистый и просветленный, в теплом халате, двигал вырезанные из кости фигуры.

ЗАПОРОЖСКАЯ ВЕРСИЯ. Вот ведь как бывает! Говорят, что человеку выпадает та смерть, которую он заслужил. К примеру, императрица Екатерина II померла, извините за исто-

рические подробности, на ночном сосуде, вмонтированном в трон польских королей, который перевезли в Петербург из Варшавы после раздела Речи Посполитой. Трон этот, между прочим, принадлежал некогда бывшему любовнику Екатерины — последнему польскому королю Станиславу Понятовскому. Как символично получилось! Выходит, даже в последние секунды жизни императрица гадила, как на свою бывшую любовь, так и на государственные символы соседней державы, которую она стерла с карты.

Гетман Мазепа помер в страшной нервической четотке, от чего возникла легенда, что его заживо заели вши. А Иван Грозный,

называемые «Мамаи» — народные украинские картинки, изображающие запорожца, не содержат в качестве атрибутов настоящего казака карточную колоду. Рядом с отдыхающим (непременно с бандурой в руках!) казаком лежат пистолеты, стоит штоф и чарка, пасется конь. Иногда даже висит на дереве шинкар или стоит какая-нибудь Галя. Нет только одного — карт! По-видимому, настоящие, а не репинские казаки не так уж и уважали эту игру.

Правда, есть сообщение, что пятеро или шестеро картежников однажды спасли Сечь. Об этом писал Дмитрий Яворницкий в «Истории запорожских казаков».

В 1675 году на Рождество войско крымских татар и присланных султаном янычар ночью тайком проникли на Запорожье. Вся Сечь мирно спала. Бодраствовали только несколько полуночников, азартно резавшихся в подкидного дурака. Увидев татар и турок, эти грешники тихонько разбудили товарищей по курению и открыли бешеную палубу. От выстрелов проснулась и начала

стрелять по басурманам вся сечевая братия. Трупов было столько, что их несколько дней топили в прорубях.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ШУТА. Но, как бы то ни было, казаки играли не своими, а импортными — западноевропейскими картами. На Сечи не имелось печатного станка. За всю ее историю там не напечатаны ни одной книги, географической карты или грамматики. И даже не написали собственной истории. Да и грамотных людей среди запорожцев почти не было.

Не отбрасывая в принципе версию о том, что с игрой в карты московских людей познакомили именно запорожцы, можно с полной уверенностью утверждать, что карты, с которыми казак «знакомил» подданных русского царя, были не украинские, а чешские или немецкие. Исследователи давно заметили, что самые первые названия мастей, проникшие в наш язык, имеют чешское происхождение. Пики, трефы, чирвы и бубны — отнюдь не обязательный атрибут ранних европейских карт. Масти обозначали и другими символами. Например, чаша-

А. Мещеряков

ми (откуда русское «вини» — синоним пик) и даже — желудями. Забытое ныне слово «жудли», проникшее из чешского языка, обозначало именно эту масть. Чешская же колода имела в своей основе немецкую. Ведь Чехия на правах королевства входила в Священную Римскую империю Германской нации.

Существуют разные гипотезы о том, кто изобрел карты. Одни исследователи считают прародию этой игры Китаю. Другие — мусульманский Восток.

В частности, Египет, где правили мамлюки. Но все эти игры я бы назвал не картами, а «бабушками» наших карт. Причем настолько непохожими на наши карты, что мы бы даже не узнали в них этих бабушек. У китайских и арабских карт были другие масти и другие правила. Мусульмане не знали карточных «фигур» — королей, дам и вальсов. Религия запрещала им изображать людей. Поэтому вместо королей и дам они использовали абстрактный орнамент.

Наши карты отображают именно европейскую действительность феодальной эпохи. Валет символизирует паж или рыцаря. Дама — женщину благородного сословия. Король — правителя государства. А туз — финансовое могущество, ибо в те времена даже короли частенько занимали у банкиров — итальянских, германских или еврейских. А цифровая мелочь — от десятки до шестерки, или даже до двойки, — всякую мелочь, которую принято именовать простолюдными. Характерно, что в классической колоде только один король — бубновый — имеет восточную внешность. Он выглядит, как турецкий султан, и обозначает собой Селима Явуза — отца Сулеймана Великолеп-

ного. В европейскую колоду султан проник вместе с турецкой угрозой. На картах он появился только в самом начале XVI века, когда Европа поняла, что турки — это всеерьезно и надолго, а Константинополь окончательно превратился в Стамбул.

Точно установлено, что в «свои» карты Европа играет с XIV столетия. Именно тогда появились различные постановления, запрещавшие монахам дуться в картишки. Почему именно азартную игру. А азарт — дело богопротивное. Вот церковь и запретила позорить себя перед мирянами.

Считается, что первую колоду, близкую к «классической», нарисовал для французского короля Карла VI в 1392 году художник и по совместительству шут Жакмен

Грингоннер. Король был сумасшедшим. Причем настолько, что даже отписал свое королевство англичанам, с которыми Франция вела Столетнюю войну. Слабоумный правитель сделал этот поступок под влиянием своей супруги Изабеллы Баварской. Может быть, по этой причине королевская колода была без дам и насчитывала только 32 карты. Кстати, в честь сумасшедшего короля и его шута в большой 52-карточной колоде имеются два джокера. Один из них обозначает Карла VI, а другой — его верного шута Грингоннера.

ЧАШИ И СКИПЕТРЫ.

Первые масти носили названия «мечей», «чаш», «динариев» и «скипетров». Скипетры обозначали королевскую власть, мечи — рыцарство, динарии — купечество, а чаши — духовенство. Ведь именно из чаш причащали мирян.

Эта система носила название «итальянской». По-видимому, в Италии, как наиболее близкой к мусульманскому миру, арабские карты начали трансформироваться в европейские. Венецианские и генуэзские купцы привезли в христианский мир с Востока не только стрельчатую готическую арку, пряности, бани, но и прообраз карт.

Дальше каждая страна развивала их до определенного момента, исходя из собственных национальных традиций. В Германии масти обозначали сердцами, желудями, колокольчиками и листочками. Во Франции — вместо мечей использовали пики, вместо кубков — сердца, вместо динариев — бубны, скипетры превратили в трефы. «Треф» по-французски — листочек клевера. Слово это «обрусело» только в XVIII столетии, когда российское дворянство усвоило модный французский язык. До этого «трефы» у нас попросту назывались «крестами».

Кто бы ни познакомил государство Ивана Грозного с карточной игрой, а документы свидетельствуют, что первые массовые партии карт ввели в Россию через Архангельск в конце XVI — начале XVII веков. Англичане покупали у русских лес, пенку, меха и парусину, а расплачивались предметами роскоши — в том числе, обычными колодами карт. Английская экспедиция проникла в устье Северной Двины как раз при Иване Грозном — в 1553 году. И настолько успешно проникла, что в 1586 году первая французская экспедиция в те же края уже зафиксировала в русско-французском словаре термин «карты», прекрасно известный подданным царя. За тридцать лет они замечательно научились дуться в картишки и готовы были покупать колоды

Контрактный дом. В отличие от обычного карточного домика, самое старое киевское казино стоит два века

Запорожцы. Репин разместил на своей картине игральную колоду. Но карты на ней не XVII, а XIX столетия

сотнями и тысячами. В Европу полетели заказы: «Грузите карты бочками!» Почему бочками? Да потому, что карты — товар быстропортящийся, влагонепостоячивый. Чтобы он не подмок, колоды дюжинами (то есть по 12 штук) упаковывали в бочки и смолили, достигая таким образом герметичности.

В начале XVII века торговля картами через Архангельск процветала. Потом, при Алексее Михайловиче, борившемся с этим «злом», импорт резко сократился. Папенька Петра I вообще был великий моралист на троне. Кроме карт, он боролся также с игрой в кости, скоморохами и гулящими девками. Однако победить ему удалось только скоморохов. Проститутки, карты и кости благополучно уцелели. При сыне Алексее Михайловича, великом реформаторе царе Петре, ввоз карт резко пошел в гору. Сам император предпочитал игру в шашки, но его друг Александр Меншиков с удовольствием поигрывал в картишки. Да и прочие «птенцы гнезда Петрова» любили обыгрывать друг друга в эту азартную игру.

НА КИЕВСКИХ КОНТРАКТАХ. Галантный XVIII век легализовал карты в Российской империи. А следующее столетие ввело их в классическую литературу. Всякий приличный человек теперь просто обязан был стать картежником. Ни один великий русский писатель не мог обойтись в своих произведениях без описаний карточного азарта. Пушкин написал «Пиковую даму» со знаменитой

фразой: «Тройка, семерка, туз», Лермонтов — повесть «Штосс», Гоголь — замечательную пьесу о шулерах, которая так и называлась — «Игроки». Лев Толстой заставил продуться в прах в «Войне и мире» Николеньку Ростова. А Булгаков уже в следующем столетии, стараясь не

Самую известную в бывшем СССР колоду карт нарисовал еще в середине XIX в. художник Адольф Шарлемань

отстать от предшественников, засадил за игру в винт (услуженный преферанс) своих Турбиных в захваченном петлюровцами Киеве.

В начале XIX века Киев стал карточной столицей всего юга Российской империи. Пик игры приходился на февраль, когда начинались знаменитые Контрактные ярмарки. В

городе съезжались помещики, чтобы продать хлеб и выдать замуж дочерей. С правого берега Днепра — поляки. С левого — малороссы.

Оставшийся с тех пор на Подоле Контрактный дом — памятник этого ежегодного дворянского разгула. По сути — это самое древнее киевское казино, о чем нынешние киевляне, проходя мимо, даже не подозревают. На парадном фасаде дома имеется памятная доска, установленная венгерской общиной уже в наши дни. Она гласит, что тут выступал известный композитор Ференц Лист.

Однако Лист в Киеве не только выступал. В 1847 году он проиграл тут весь свой полученный за музыкальное мастерство гонорар. Его обыграли до нитки киевские карточные специалисты. Некоторые утверждают, что эти мастера были шулерами. Другие говорят, что честными игроками. Лично я больше верю во вторую версию. Чтобы избежать запрещенных приемов, в Контрактном доме во время игры в банк колоду банкмоста даже пришивали книжками к столу, а после окончания партии выбрасывали — чтобы никто не подменил карту.

Вот как описывает карточную игру на Контрактах киевский мемуарист Паталев в «Воспоминаниях старого грешника»: «Во время Контрактной игры в карты шла воева. Игра эта происходила на Подоле, в Контрактном доме. Для гарантии понтеров от всякого рода перепон и других шулерских

приемов здесь было заведено, чтобы, когда игра ставована и срезана, прикалывать ее книжлом к деревянному столу. Карты одна за другой, в последовательном порядке, на глазах у всех играющих слергивались с книжлала, и когда талия заканчивалась, то все карты были уже испорчены и заменялись новыми. На всех столах были горы золота и ассигнаций».

СВОЯ КОЛОДА. Оудревшие от скуки помещики — по сути, пожизненные председатели тогдашних крепостных колозов — такой бешеной игрой вознаграждали себя за год деревенской скуки. Все у них уже было куплено. Поместье есть, дом построен, карета привезена из Вены, как сегодня «Мерседес» привозят из Германии. Что еще делать? Купить новую карету? А если уже раз пять ее покупал? Оставалось только избавлять себя от денежного «ожирения», чтобы окончательно не отупеть.

А вот в киевской гостинице «Люнивер», по уверению автора тех же «Записок грешника», играли, не стесняясь обмана: «Здесь уже в интересах шулеров, которыми главным образом гостиница и существовала, всякие предосторожности игнорировались, а всяким случайностям дан был полный простор, и нередко карты были заранее уложены и тасовались для вида, без нарушения порядка их укладки... Всякая игра в «Люнивере» обыкновенно оканчивалась тем, что неопытных юнцов шулера раздевали донага».

И правильно! Ведь у шулера нет поместья с крепостными мужичками. Так почему бы и не «раздеть» сыночка тогашнего богача? Разве вы станете сегодня соперничать открытым депутатом или олигархом, которого обыграли веселые молодцы в ночном клубе, да еще и дали ему по морде бутылкой? Честный человек не понесет заработанные деньги за карточный стол. Он потратит их на необходимое. А если пришел играть, значит, деньги ему уже изначально не нужны. Почему же не обыграть такого? Тут любые методы хороши.

Со времен Александра I играть стали преимущественно не импортными, а отечественными картами. Правительство ввело государственную монополию на их выпуск. Деньги от продажи карт шли на содержание детских домов, которыми занималось Ведомство императрицы Марии — матери императора. С 1819 года все карты в империи печатались на Карточной фабрике в Петербурге. После революции она стала Комбинатом цветной печати, который выпускал все советские карточные колоды. А самый известный рисунок русских карт создал художник Адольф Шарлемань — академик Петербургской Академии художеств и потомок французских эмигрантов. При жизни он был известен как автор батальных картин о Суворове и русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Но увекочил себя именно колодой, созданной для Императорской Карточной фабрики. Хотя, беря в руки карты, мы вряд ли помним о его авторстве.

Вот сколько всего было нужно изобрести, чтобы мы могли сказать привычное: «А не перекинуться ли нам в картишки?»